

**Плешаков Владимир Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор,  
главный научный сотрудник НИЦ №1,  
Всероссийский научно-исследовательский институт  
Министерства внутренних дел Российской Федерации  
[Milena.555@mail.ru](mailto:Milena.555@mail.ru)

**Vladimir A. Pleshakov**

chief researcher of SIC №1  
FGKU "all-Russian research Institute of MIA of Russia»  
doctor of law, professor  
[Milena.555@mail.ru](mailto:Milena.555@mail.ru)

**Состояние криминологической безопасности как критерий оценки  
динамики показателей преступности**

**The state of criminological security as a criterion for assessing the dynamics  
of crime indicators**

***Аннотация.** В статье доказывается необходимость учета показателей, отражающих степень обеспечения криминологической безопасности при анализе динамики показателей преступности. Показывается практика такого учета в зарубежных странах. Дается анализ и делается вывод об увеличении уровня ситуационной преступности, которая во многом зависит от степени криминологической защиты объектов преступного посягательства. Предлагается перечень показателей, отражающих степень обеспечения криминологической безопасности.*

***Ключевые слова.** Показатели, отражающие степень обеспечения криминологической безопасности, ситуационная преступность, уровень ситуационной преступности, возможности совершения преступлений, криминологическая защита.*

***Annotation.** The article proves the need to take into account indicators reflecting the degree of criminological security when analyzing the dynamics of crime indicators. The practice of such accounting in foreign countries is shown. The analysis is given and the conclusion is made about the increase in the level of situational crime, which largely depends on the degree of criminological protection of objects of criminal encroachment. A list of indicators reflecting the degree of criminological security is proposed.*

***Keywords.** Indicators reflecting the degree of criminological security, situational crime, the level of situational crime, the possibility of committing crimes, criminological protection.*

Во всех законодательных актах, регламентирующих противодействие преступности, действующих в настоящее время, а также в предыдущих, времен перестройки, приоритетным направлением предусматривалось защита личности, общества, государства от преступных посягательств. Так, в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 года № 3 ФЗ указывается, что первым основным направлением деятельности полиции является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств.[1] В Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года №182-ФЗ также первым основным направлением профилактики правонарушений является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств.[2] В Законе СССР от 6 марта 1991 г. N 2001-1 "О советской милиции" в ст.2 первой основной задачей милиции было обеспечение личной безопасности граждан.[3] То есть, все вышеперечисленные законодательные акты нацеливают органы полиции на защиту граждан от противоправных посягательств. Вместе с тем, такая защищенность, по сути, во-первых, никак напрямую не оценивается; во-вторых, при анализе преступности и ее динамики не рассматривается. Степень защищенности граждан предполагается, априори, оценивать по состоянию и динамике преступности. К такой оценке также искусственно «подтягивают» оценку общественного мнения, но в котором, (общественном мнении) практически очень редко рассматривается проблема оценки гражданами своей защищенности от преступных посягательств.

Так, даже при верном посыле в определении состояния криминологической безопасности как состояния защищенности законных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, анализу подвергаются сами угрозы или их источники, но не состояние защищенности.[4] Но ведь угрозы, тем более реализованные в виде преступлений, являются последствием недостаточной обеспеченности криминологической безопасности, выразившейся в реализации возможности совершения преступления. И такая возможность может быть, как субъективной, то есть, зависящей от субъекта, так и объективной, продиктованной окружающей обстановкой. Применительно к совершению преступления субъективная возможность - это готовность субъекта к совершению преступления, его мотивация и решимость на такое деяние, а также опыт и практика преступной деятельности, которые способствуют преодолению препятствий на пути к его совершению. Объективная возможность, в данном случае, это ситуация, складывающаяся до и в момент совершения преступления, которая способствует или активно не препятствует такому деянию. Но объективная возможность может также породить мотивацию и решимость к противоправным деяниям при совершении преступлений, в которых ситуация играет решающую роль. Таким образом, не были предприняты меры по созданию препятствий для реализации субъективной возможности совершения преступления. Такие

меры в российской криминологии называются мерами криминологической защиты или ситуационного предупреждения преступлений. В литературе еще в 2010 году указывалось: «...Исследованием установлено, что интересы населения, претендующие на реальное и всеобъемлющее обеспечение правоохранными органами защиты от преступных посягательств, вступают в явное противоречие с интересами правоохранительной системы. Если люди, в своем большинстве (до 90%), ждут от милиции раскрытия преступлений, задержания и изобличения виновных в их совершении, возмещения материального вреда пострадавшим, то представители закона, большей частью (52%), пытаются решить проблему общественной безопасности, традиционно ориентируясь на силовой (репрессивный) потенциал жестокого наказания преступников. В необходимости оказания реальной помощи населению, как фактор его криминологической безопасности, убеждены только 6% опрошенных милиционеров. Рассогласованность общих криминологических оценок и разных антикриминогенных интересов свидетельствует о нарушении правоохранительного баланса, негативно отражающегося как на реальной защите населения от преступности, так и, что закономерно, на авторитете существующей правоохранительной системы. Такая рассогласованность правоохранительных интересов серьезно обостряет существующую в российском обществе проблему социальной напряженности и логически выступает гораздо более серьезным фактором угрозы национальной безопасности, чем сама преступность.»[5]. Такая картина наблюдается и в настоящее время.

Привычный анализ криминологической обстановки исходя из влияния на преступность различных факторов (экономических, политических, социально-культурных и т.п.) часто не давал возможность дать объективную оценку складывающейся криминологической ситуации, динамике, а тем более прогнозу показателей преступности. Так, преступность, начиная с 2006 года, имеет основную тенденцию к существенному сокращению, в 2021 году она сократилась на 48%. Еще больше сократилось число наиболее тяжких преступлений (убийств – на 73 %, причинений тяжкого вреда здоровью – на 65 %, краж – на 56 %, разбоев – на 93 %, грабежей – на 91 %)[6]. При этом если анализировать все вышеперечисленные факторы, то реального существенного улучшения этих показателей не произошло[7]. И страна в этот период пережила дефолт 2008 года, который существенно отразился на социально-экономической обстановке. Если проследить динамику отношения доли дохода, принадлежащей 10% наиболее обеспеченной части населения, к доле дохода, принадлежащей 10% наименее обеспеченного населения, т.е., децильный коэффициент и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. (Величина коэффициента Джини может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем

более неравномерно распределены доходы), то эти показатели изменились незначительно. Так, в 2006 году децильный коэффициент составлял 15,9, а в 2021 году – 15,1. Величина коэффициента Джини в 2006 году равнялся 0,415, а в 2021 году – 0,408.[8] То есть, объяснить такое длительное и значительное снижение показателей преступности, исходя из вышеперечисленных факторов не представляется возможным.

Аналогичная ситуация сложилась в зарубежных странах в 90-х годах прошлого столетия, когда преступность в странах Северной Америки, Европы, Австралии, Латинской Америки, Африки и Азии существенно сокращалась. Было обнаружено, что начало снижения преступности варьировалось от страны к стране, начиная с самого начала 1990-х до середины 1990-х гг., в среднем, были зафиксированы следующие проценты падения уровня преступности: кража из банка (77,1%), кража у человека (60,3%), кража со взломом (26,0%), нападение (20,6%) и угон автомобиля (16,8%). Кроме того, все виды преступлений сократились примерно одинаковыми темпами для всех стран[9].

Для объяснения этого феномена было проведено множество исследований. В том числе, было выдвинуто 15 гипотез для объяснения снижения международной преступности в 1990-е годы: отравление свинцом (наиболее легко происходит через воздействие этилированной краски и бензина, вызывающее повреждение головного мозга у детей), легализация аборт, рынки наркотиков (снижение потребления крэка-кокаина), демография (относительно меньшее число молодых мужчин), число полицейских, стратегии полиции, уровень тюремного заключения, здоровая экономика, смертная казнь, (усиленный) контроль над оружием, законы о праве ношения оружия, иммиграция, доверие потребителей, снижение политических волнений, а также, снижение возможностей для преступности, соответственно усиление безопасности. Однако проверка всех этих гипотез показала, что только последняя могла существенно повлиять на эту тенденцию. Гипотеза снижения криминальных возможностей и усиление безопасности (далее просто именуемая гипотезой безопасности) утверждает, что изменения в количестве и качестве безопасности были важным фактором в снижении международной преступности в 1990-е гг.[10]

В частности, что касается автомобильных краж, то появление электронных иммобилайзеров (англ. *immobiliser* — «обездвиживатель») и центрального замка имело решающее значение для понимания причин снижения этого вида преступлений. Жилищная база также выиграла от повышения уровня безопасности, аналогичного тому, что наблюдается в автомобилях. Конечно, дома не могут быть установлены устройства иммобилайзера, но охранная сигнализация становится все более сложной с прямым вызовом в местную полицию, а также, живой связью между домом и охранной компанией, чтобы подтвердить или опровергнуть законность сигнализации. Кроме того, возросла прочность окон, оконных замков, дверей и дверных замков. Эти улучшения будут наиболее очевидны в новых жилых

комплексах, которые будут иметь более низкие показатели виктимизации от взломщиков после контроля за другими факторами.

На основе исследований, проведенных в рамках ситуационного предупреждения преступности, было установлено, что целенаправленное ужесточение (повышение безопасности) снижает количество грабежей в почтовых отделениях, магазинах товаров первой необходимости и банках. В частности, было установлено, что наличие двух дежурных продавцов, особенно в ночную смену, имеющих четкие линии обзора внутри круглосуточного магазина и снаружи, а также, меньшее количество наличных денег на руках уменьшают количество грабежей. Все они потенциально связаны с гипотезой безопасности и заслуживают систематического изучения.

Все эти аспекты безопасности для автомобилей, домов и минимаркетов, по крайней мере, для некоторых преступников, превратили подходящие цели в неподходящие цели.

Таким образом, с учетом рассмотренных здесь эмпирических данных и гипотез, касающихся краж со взломом и грабежей, гипотеза безопасности оказалась наиболее поучительной для понимания падения международной преступности в 1990-е гг.[11].

Таким образом, учет средств повышения безопасности и снижения возможностей совершения преступлений явился важнейшим фактором обоснования глобального снижения преступности в 90-е годы прошлого столетия в зарубежных странах. Но при этом указывается на то, что анализ уровня безопасности необходимо проводить наряду с анализом других факторов, влияющих на преступность. Вместе с тем, криминологи англоязычных стран выявили влияние уровня безопасности и возможностей совершения преступлений на смещение преступности, как по видам преступлений, так и по географии преступных проявлений. Это связано, прежде всего, с тем, что мотивированные преступники предпочитают не ориентироваться на конкретные преступления, а они подменяют один набор криминальных событий другим, потому что возможности для этого становятся лучше.

В исследовании, проведенном Тарой Ходжкинсон и ее коллегами, опубликованом в 2016 и 2019 годах, были найдены доказательства пространственного сдвига в структуре преступности при наличии значительного снижения уровня преступности. Что касается кражи транспортных средств, то пространственный сдвиг привел к тому, что преступность переместилась в относительно бедные районы города. Почему? Именно здесь можно найти старые автомобили без электронных иммобилайзеров. А что касается квартирных краж, то пространственный сдвиг привел к тому, что преступность переместилась в относительно богатые районы города. Почему? Потому что именно там пропорционально больше домов на одну семью и меньше кондоминиумов, причем

кондоминиумы имеют в среднем несколько уровней более сложной безопасности.

Таким образом, преступники приспосабливаются, меняя способы совершения своих преступлений и места, куда они идут[12].

Все эти выводы применимы и к нашим условиям. Приведем некоторые доказательства этого. За период снижения преступности с 2006 года выросли, порой значительно, показатели, отражающие маргинализацию преступности. Так, доля преступников из числа социально неадаптированных лиц существенно увеличилась. За этот период времени доля лиц, ранее совершавших преступления, возросла с 28,8 % до 60%, не имеющих постоянного источника доходов – с 59,6 % до 64%, на 11,4 % увеличилась доля лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. Доля несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, возросла с 16 % до 24,8 %. И это – на фоне 75-процентного снижения общей преступности несовершеннолетних и сокращения их доли в общей преступности с 10 % до 3,4 %. А ведь это – потенциальные преступники, многие из них – ситуационные. Большинство преступлений в сельской местности также совершается ситуационно под воздействием алкоголя. Это подтверждается и статистикой: ежегодно около 40 % (в 2021 году – 38 %) погибших от преступных посягательств и более 30 % (в 2021 году – 31 %), получивших тяжкий вред здоровью, приходится на сельскую местность, хотя, из всей преступности здесь совершается, всего лишь, каждое пятое преступление. К ситуационной преступности относится и основная масса преступлений, совершаемых на бытовой почве и в жилом секторе. На бытовой почве совершается каждое четвёртое убийство (25,2 %) и 27,1 % нанесений тяжкого вреда здоровью. В жилом секторе в 2021 году было совершено 19,4 % всех преступлений. Здесь же совершается 67 % всех убийств и 68 % нанесений тяжкого вреда здоровью. В числе лиц, совершающих преступления в жилом секторе, 70 % не имеют постоянного дохода (в общей преступности – 64 %), ранее судимые – 35,8 % (в общей преступности – 30,1 %), в состоянии опьянения – 52 % (в общей преступности – 30,9 %)[13]. Из числа лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и лиц, осуждённых к наказанию и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, обратившихся в центры занятости населения в 2020 году (33 508 чел.), было трудоустроено лишь 33,8 % (11 322 чел.) На профилактических учётах в 2021 году состояли 71 366 лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих. 25230 лиц, больных алкоголизмом и 11230 – наркоманией, состояли на учёте в медицинской организации и представляли опасность для окружающих[14]. Важно подчеркнуть, что именно эти лица, не имеющие работы, но имеющие опыт преступной деятельности, чаще всего идут на преступления ситуационного характера. И именно ситуационные преступления во многом зависят от возможности их совершить, а возможности, в свою очередь, возникают ввиду

недостаточного обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства.

При этом ситуационную преступность можно определить, как исторически изменчивое массовое социально-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершённых лицами под влиянием ситуационных факторов, сыгравших решающую роль в их поведении, на определённой территории за определённый период.

Исходя из этого определения, выделим основные виды ситуационной преступности.

1. Совокупность преступлений, при совершении которых ситуация напрямую способствовала формированию мотивации, принятию решения и реализации его в преступном деянии. Это такие преступления, как совершённые в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны, неосторожные, а также, преступления, совершённые под воздействием алкогольной, наркотической или иной психотропной зависимости.

2. Совокупность преступлений, в основе совершения которых лежала мотивация, но на принятие решения и выбор объекта и предмета посягательства повлияла криминогенная и/или виктимная ситуация. Это те преступления, которые совершаются при наличии объективных возможностей для их совершения (доступные ценные для преступника объекты и предметы преступного посягательства, отсутствие необходимого контроля и учёта за оборотом государственных средств и имущества и т.п.). К таким преступлениям также можно отнести совершаемые внезапно, в отсутствие у виновных заранее обдуманного умысла, подготовительных действий. Сюда можно включить соответствующие этим условиям кражи, грабежи и разбои, изнасилования, совершённые на улицах и в других общественных местах, карманные, квартирные кражи, экономические преступления, в том числе коррупционные, а также совершаемые в сфере быта, кражи автотранспорта и т.п.

В том, что ситуационная преступность носит массовый характер, можно убедиться, оценив её объём. По оценке А.Н. Варыгина, ситуационная преступность составляет более 1/3 всей преступности.[15] Однако, исходя из выделенных видов ситуационной преступности, очевидно, что эти преступления могут составлять до 70 % всех преступлений.

Далее посмотрим по определенным, во многом косвенным данным, как изменились возможности обеспечения криминологической безопасности.

Существенную помощь в деле обеспечения криминологической безопасности, как известно, оказывает распространение видеонаблюдения. Россия за год поднялась с четвертого на второе место в мире по темпам установки камер видеонаблюдения. Страна обогнала Великобританию, но уступила Южной Корее. С начала 2021 года в России число видеокамер выросло на 10,1% — до 15,2 млн. В Южной Корее количество систем видеонаблюдения увеличилось на 30%, но составило всего 1,3 млн. В Великобритании — на 10% — до 5,5 млн. По числу камер Россия

осталась на третьем месте, которое заняла еще в декабре 2020 года. Возглавил список Китай (204,7 млн), второе место заняли США (54,8 млн), у Германии, находящейся на четвертом месте, камер видеонаблюдения в 3 раза меньше, чем у России, — 5,6 млн. 58,3% камер видеонаблюдения в России установлены коммерческими организациями, 32,9% — государством, еще 8,8% — частными лицами. Тем не менее рост числа камер в стране в основном связан с развитием системы видеофиксации ПДД и масштабированием государственных проектов, таких как «Безопасный город». [16]

Другим не менее важным фактором, повышающим степень безопасности, является охрана жилища, имущества, собственности, в том числе государственной. По оценкам BusinesStat, за 2016-2020 гг. численность частных охранных услуг в России выросла на 16,2% и достигла 92,1 млн.[17].

Однако четких показателей, отражающих степень криминологической безопасности, еще нет ни у нас, ни за рубежом, хотя предпосылки к этому в статистике МВД России намечаются. Так, в статистическом сборнике по России «О реализации мероприятий в сфере профилактики правонарушений» (например, № 2012\_040.039 за 2020г.) есть раздел 4 «Сведения по обеспечению безопасности объектов с массовым пребыванием людей», где указывается количество мест, специально отведенных или приспособленных для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также, для массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения. Таких в 2020 году было 11562, в том числе 2915 оборудованных средствами видеонаблюдения. Также, указывается количество объектов транспортной инфраструктуры. В 2020 году их было 11890, в том числе 2063 оборудованных системами видеоконтроля пассажиропотока, 1419 — оборудованных техническими средствами обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ, досмотра ручной клади и багажа. Также, в этом разделе указывается на то, что количество государственных (муниципальных) образовательных организаций в 2020 году было - 96269, в том числе 81715 имели физическую охрану, 35322 оборудованы системами контроля и управления доступом, а 83226 — оборудованы системами видеонаблюдения. При этом важно выделить общеобразовательные организации, которых в 2020 году было 43241, из них 37052 имели физическую охрану, 14607 оборудованы системами контроля и управления доступом, 37963 оборудованы системами видеонаблюдения. И, хотя форма этих статистических данных ежегодно меняется, они отражают определенную картину обеспечения криминологической безопасности этих объектов, но динамику этих показателей, к сожалению, отследить сложно по указанной причине. Как видно из этих данных, еще много общественно значимых объектов не оборудованы надлежащими средствами защиты от преступных посягательств, но это направление усиленно развивается, что конечно-же отражается на снижение возможности совершения преступлений,



а, соответственно, на динамике самой преступности в сторону ее снижения и снижения ее общественной опасности. Хотя эффективность этих средств защиты, порой, оставляет желать лучшего. Это доказывает пример варварского расстрела школьников и учителей в школе города Ижевска. И этот пример еще раз доказывает необходимость учета и анализа количества и эффективности установленных средств защиты от преступных посягательств.

При выработке таких показателей можно ориентироваться на основные направления применения мер ситуационного предупреждения или криминологической защиты, которые автором статьи были выделены ранее, 18:

1. Показатели, отражающие непосредственную защиту объектов преступного посягательства, которые включают в себя:

- показатели, отражающие укрепление объектов преступного посягательства или усиление их сохранности, реализуемое путем разработки более эффективных запирающих устройств, укрепление дверей, окон, установление охраны и охранной сигнализации и т.п. Здесь можно вспомнить опыт работы участковых инспекторов милиции в 70-е годы прошлого столетия по паспортизации объектов недвижимости на предмет их защиты от возможных преступных посягательств, обязательных нормах установки, например, химловушек в магазинах и т.п.;

- показатели, отражающие введение специальных нормативов криминологической безопасности строительных объектов, и в других сферах, технологической (создание автоматических без доступа человека технологических линий по производству, переработке материалов наиболее подверженных расхищению, драгоценных, камней, металлов, ГСМ, алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ и т.п.), финансовой (например, увеличение безналичного оборота денежных средств, разработка методики проведения финансовых операций, снижающих риск расхищения), административной (меры предупреждения коррупции) и других.

2. Показатели, отражающие снижение возможностей и увеличение осознаваемых преступником трудностей в совершении преступлений, включают в себя:

- показатели, отражающие принимаемые меры по введению специальных режимов безопасности на объектах возможных преступных посягательств, пограничных, миграционных, пропускных и иных режимов;

- показатели, отражающие принятие мер, при которых средства совершения преступлений становятся недоступными для преступников, проверка пассажиров авиа - железнодорожного и автотранспорта, спортивных болельщиков и зрителей при посещении спортивных и культурно-массовых мероприятий и т.п..

3. Показатели, отражающие принятие мер, снижающих заинтересованность в совершении преступления, в том числе, уменьшающих ценность имущества, создающих трудности по их реализации. Это нанесение

специальных трудно сводимых и скрытых маркировок на ценные предметы, создание каталогов произведений искусства, антиквариата и других особо ценных вещей и т.п.

4. Показатели, отражающие меры, увеличивающие осознаваемую преступником угрозу разоблачения и задержания.

Это показатели, отражающие количество, необходимый охват и динамику установки различных видов наблюдения за объектами возможного преступного посягательства. При этом отражаются следующие виды наблюдения:

- формальное – установка видеонаблюдения за подъездами, наиболее оживленными участками микрорайонов, в метро и на других видах транспорта, за движением автотранспорта, расширение и корректировка дислокации патрульно-постовых нарядов органов внутренних дел, привлечение к патрулированию населения;

- неформальное – визуальное наблюдение, осуществляемое жителями по месту жительства, установка дежурства в подъездах, использование возможностей наблюдения со стороны расположенных в микрорайонах служб безопасности и охраны, сторожей;

- естественное наблюдение, осуществляемое гражданами из окон квартир, учебных заведений, административных зданий, организуется путем корректировки проектов зданий микрорайонов, зон отдыха, стоянок автотранспорта с учетом хорошей просматриваемости и освещенности;

Показатели, отражающие количество и охват объектов возможного преступного посягательства системой быстрого взаимодействия с органами правопорядка при помощи, специально установленной в общественных местах, аппаратуры прямой связи.

Необходимо при этом отметить, что получение вышеотмеченных данных, охватывающих большие агломерации, проблематично, поэтому возможно, что эти показатели надо распространять на микрорайоны, улицы, небольшие населенные пункты. Эта работа должна быть возложена на участковых уполномоченных полиции при разработке определенных форм отчетности об обеспечении криминологической безопасности объектов возможных преступных посягательств. Обобщенные данные этих форм создаются на более высоких уровнях управления, ОВД района, города, области, МВД республики, МВД России.

Таким образом, необходимость расширения средств криминологической защиты возможных объектов преступных посягательств очевидна, но необходимо также это систематизировать путем учета охвата и эффективности их функционирования и влияния на состояние и динамику преступности.

*Литература:*

1. *Федеральный закон «О полиции» (с изменениями на 29 июля 2018 года) от 7 февраля 2011 года № 3 ФЗ. Ст.2.*

2. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года №182-ФЗ. Ст.6.
3. Закон СССР от 6 марта 1991 г. N 2001-1 "О советской милиции". Ст.2
4. М. П. Клейменов, М. С. Фокин «Анализ общественного мнения о криминологической ситуации в регионе» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013.4 (37). С. 123-126.
5. А.А. Лапин «Формирование органами внутренних дел общественного мнения о состоянии криминологической безопасности» // История государства и права. - М.: Юрист, 2010, № 14. - С. 8-12.
6. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года: сборник ФКУ «ГИАЦ МВД России». М., 2021
7. См., например, численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода, динамические ряды. URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; Основные показатели жилищных условий населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13706>; Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами (данные Минздрава России, расчет Росстата). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>; Уровень безработицы населения в возрасте 15-72 лет (по данным выборочных обследований рабочей силы). URL: [https://rosstat.gov.ru/labour\\_force](https://rosstat.gov.ru/labour_force).
8. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 8.08.2022).
9. См. Martin A. Andresen *Environmental criminology: evolution, theory and practice. Second edition.* Abingdon. Oxon: New York, NY: Routledge. 2020. P. 240.
10. Там же: P. 243-244.
11. Там же, p 245-246.
12. Hodgkinson. T., к Andresen. M. A. (2019). *Changing spatial patterns of residential burglary and the crime drop: The need for spatial data signatures.* *Journal of Criminal Justice.* 61. 90-100.
13. Отчёт о профилактической работе органов внутренних дел за январь – декабрь 2020 года. М., 2021.
14. Отчёт о профилактической работе органов внутренних дел за январь – декабрь 2021 года. М., 2022.
15. Варыгин А.Н. «Системное» и «ситуационное» в преступности // *Право и политика.* 2015. № 1 (181). С. 60.
16. <https://www.mn.ru/> Moscow Daily News. 30 июня 2021.
17. Сайт Secuteck.Ru Журнал "Системы безопасности" 08/06/21.
18. В.А.Плешаков. Когда преступник не захочет рисковать.//*Полиция России.* Август 2016. С. 17-20.

**Literature:**

1. Federal Law "On the Police" (as amended on July 29, 2018) of February 7, 2011 No. 3 FZ. St.2.
2. Federal Law "On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation" of June 23, 2016 No. 182-FZ. St.6.
3. The Law of the USSR of March 6, 1991 N 2001-I "On the Soviet militia". Article 2
4. M. P. Kleimenov, M. S. Fokin "Analysis of public opinion on the criminological situation in the region" // *Bulletin of Omsk University. The series "Law"*. 2013.4 (37). pp. 123-126.
5. A.A. Lapin "Formation of public opinion on the state of criminological security by internal affairs bodies" // *History of state and law*. - M.: Lawyer, 2010, No. 14. - pp. 8-12.
6. *The state of crime in Russia for January – December 2021: collection of the Federal State Institution "GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia"*. M., 2021
7. See, for example, the number of the population with per capita monetary incomes below the subsistence minimum, and the deficit of monetary income, dynamic series. URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> ; Main indicators of housing conditions of the population. URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13706> ; Morbidity of the population with alcoholism and alcoholic psychoses (data of the Ministry of Health of Russia, calculation of Rosstat). URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> ; The unemployment rate of the population aged 15-72 years (according to sample surveys of the labor force). URL.: [https://rosstat.gov.ru/labour\\_force](https://rosstat.gov.ru/labour_force).
8. Distribution of total monetary income and characteristics of differentiation of monetary income of the population. URL.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (accessed: 08.08.2022).
9. See Martin A. Andresen *Environmental criminology: evolution, theory and practice*. Second edition. Abingdon. Oxon: New York, NY: Routledge. 2020. P. 240.
10. *Ibid.*: P. 243-244.
11. *Ibid.*, p 245-246.
12. Hodgkinson. T., to Andresen. M. A. (2019). Changing spatial patterns of residential burglary and the crime drop: The need for spatial data signatures. *Journal of Criminological Justice*. 61. 90-100.
13. Report on the preventive work of internal affairs bodies for January – December 2020. M., 2021.
14. Report on the preventive work of internal affairs bodies for January – December 2021. M., 2022.
15. Varygin A.N. "Systemic" and "situational" in crime // *Law and politics*. 2015. No. 1 (181). p. 60.
16. <https://www.mn.ru> / Moscow Daily News. June 30, 2021.
17. Secuteck website. *En Magazine "Security Systems"* 08/06/21.

18. *V.A.Pleshakov. When the criminal does not want to take risks.//Russian police. August 2016. pp. 17-20.*